

Вершина смотровой башни.

Бай Муюнь сидел, небрежно согнув правую ногу и вытянув левую. Его правая рука покоилась на колене, а пальцы левой привычно скользили по экрану смартфона. Он снова и снова перечитывал сообщения, присланные Лу Янем за сегодняшний день.

Семь утра.

«Доброе утро! Ежедневный вопрос: Учитель Бай, вы уже согласны стать моим парнем? [Ожидание.jpg]»

Одиннадцать утра.

«Добрый день. Ты уже пообедал? Сегодня канун Нового года, ты уже дома?»

Полдень.

«Отбор актеров на сегодня завершен!»

Пять вечера.

«С наступающим! Ты поужинал?»

Бай Муюнь не ответил ни на одно из них. Он лишь раз за разом открывал чат, просматривая эти строки. Просто не знал, как теперь вести себя с Лу Янем. Не получалось ни проявить твердость, ни сохранить холодное выражение лица — он чувствовал, как внутри всё сжимается от жалости и нежности.

Рядом на жаровне тихо булькало вино, и его тонкий аромат постепенно заполнял маленькую комнату. Снаружи уже стемнело. Редкие дома внизу зажигали огни, и эти разрозненные пятна света с высоты казались рассыпанными по земле яркими звездами. Ветер доносил обрывки чьего-то смеха. Наступил канун Нового года — время, когда все семьи собираются вместе.

Раздался тихий звук прибывшего лифта. Бай Муюнь обернулся: из кабины вышли Бай Тиншань и Бай Мяо.

— Так и знал, что ты здесь, — с улыбкой произнес Бай Тиншань.

Бай Муюнь невнятно отозвался и снова отвернулся к панораме города.

— М-м-м, какой аромат! Брат, что это за вино? — спросил Бай Мяо, усаживаясь рядом.

— «Чжаофэнъюэ». Я захватил немного и для вас.

— Погода холодная, как раз кстати — согреться, — одобрил Бай Тиншань.

Он взял кувшин и разлил вино по трем чаркам. Бай Муюнь поднял свою, собираясь сделать глоток, но, о чем-то задумавшись, поставил её обратно.

— Что с тобой? Настроение не то?

— Праздник же, почему у брата плохое настроение?

— Нет, всё в порядке, — Бай Муюнь задумчиво вертел чарку в пальцах. — Просто у меня есть один знакомый... У него совсем нет семьи. Интересно, как он проводит этот вечер.

— Если ты так за него переживаешь, почему не привез его к нам? — резонно заметил Бай Тиншань.

— И правда, — подхватил Бай Мяо. — Встречать Новый год в одиночестве... Это ведь так тоскливо.

Бай Тиншань прищурился:

— Неужели тот самый «человек сердца»?

Бай Муюнь усмехнулся и честно признался:

— Да. Я и сам хотел бы привезти его сюда, но между нами есть кое-какие сложности. Пока нельзя.

— Это тот режиссер, Лу Янь? — с любопытством спросил Бай Мяо.

— Он самый.

Бай Тиншань искренне удивился:

— А ты-то откуда знаешь?

— Догадался! — самодовольно заявил младший. — У старшего брата совсем нет опыта в делах сердечных, вот он ничего и не замечает.

Бай Тиншань шутливо ущипнул его за щеку:

— Ах ты мелкий, это ты сейчас на меня намекаешь?

— Вовсе нет!

Бай Муюнь внезапно вставил шпильку:

— Он не намекает, он говорит прямым текстом.

— Второй брат, ты злой!

— Ого, Бай Мяо, ты осмелел?

Бай Муюнь с улыбкой наблюдал за их перепалкой, пока не взглянул на часы. Десять вечера. До Нового года осталось всего два часа.

— Ты еще здесь? — Бай Тиншань, закончив шутливо тузить младшего, поправил одежду и посмотрел на брата.

— А куда мне? — Бай Муюнь на мгновение растерялся.

— Ты ведь не пил вино только потому, что планировал сесть за руль, верно?

Бай Мяо поддакнул:

— К тому же, второй брат, ты постоянно косишься на часы.

В этот момент экран телефона Бай Муюня вспыхнул. Пришло сообщение от Чу Лианя. Это было не поздравление, а скриншот публикации Чу Цзяньцина в соцсетях.

Текст гласил: «С Новым годом! Стряпня режиссера Лу — это нечто! Объединение!»

К записи прилагалось фото: Чу Цзяньцин сделал селфи, пока на заднем плане Лу Янь что-то готовил у плиты.

Чу Лиань добавил: «Брат Чу не поехал домой на праздник?»

Бай Муюнь коротко ответил: «Понятно».

Он тут же поднялся, собираясь уходить.

— Ты куда? — окликнул его Бай Тиншань.

Голос Бай Муюня прозвучал довольно недружелюбно:

— Передай нашему Верховному Императору, что я уехал. Рядом с ним околачивается опасный тип, нужно проверить.

С этими словами он зашел в лифт.

— О ком это он? — недоуменно спросил Бай Тиншань.

Бай Мяо, пригубив вино, весело прищурился:

— О режиссере Лу, конечно. Брат, тебе бы тоже пора обзавестись кем-нибудь, а то совсем от жизни отстал.

— Вот теперь ты точно нарываешься, — холодно хмыкнул Тиншань.

—... Я не это имел в виду! Честно!

Тем временем «опасный тип» Чу Цзяньцин как раз доставал из кастрюли свежесваренные пельмени, которые они решили съесть на поздний ужин. Лу Янь поспешил ему на помощь.

Когда они уселись за стол, Лу Янь пододвинул гостю соусницу.

— Брат Чу, попробуй мой соус, я сам смешивал.

Чу Цзяньцин обмакнул пельмень, откусил кусочек и зажмурился от удовольствия:

— М-м-м! Потрясающе! Сяо Лу, ты просто мастер кулинарии. Ужин был выше всяких похвал.

— У тебя тоже талант, брат Чу. Твой тофу «Ляньцяо»... Я такого раньше даже не видел, не то что не пробовал. Не ожидал, что это так вкусно.

— Да это я так, на ходу придумал, — скромно отмахнулся Чу Цзяньцин.

Затем он заговорщицки понизил голос и с вкрадчивой улыбкой произнес:

— Слушай, ну зачем тебе этот Бай Муюнь? Бросай его, иди ко мне. Я буду о тебе заботиться, будем вместе рецепты новые изобретать. Тебе ведь нравятся мои песни? Буду петь для тебя, писать только для тебя... Что скажешь?

Лу Янь на мгновение замер, а затем опустил голову и тихо рассмеялся. Он понимал, что Чу Цзяньцин просто поддразнивает его, но всё же счел нужным ответить серьезно:

— Я остаюсь с ним. Без вариантов.

Чу Цзяньцин цокнул языком:

— Эх, завидую я ему. Почему меня никто так сильно не любит?

— Сяо Ань тебя очень любит.

Улыбка Чу Цзяньцина на миг померкла, в глазах мелькнуло что-то сложное, но он тут же снова весело воскликнул:

— Ладно, не будем об этом! Ешь пельмени. Я в один из них спрятал монетку. Кому она попадется, тот и станет самым-самым везучим в этом году!

Бай Муюнь стоял во дворе собственного дома, продрогший от холодного ветра. Сквозь ярко освещенное окно он видел Лу Яня. Тот сидел на диване, поджав ноги, и не отрывался от телефона. Он то включал экран, то гасил его, снова включал и снова гасил — явно ждал чьего-то сообщения. Выражение его лица менялось от робкой надежды до глубокой печали.

Никакого «опасного типа» поблизости не наблюдалось.

Лу Янь весь сжался, превратившись в какой-то маленький, беззащитный комочек, и даже при его росте в сто восемьдесят три сантиметра он казался сейчас совсем крошечным. На него невозможно было смотреть без желания обнять его.

Бай Муюнь постоял так еще немного, а затем направился к двери. Он не стал открывать её своим ключом, а нажал на звонок.

— Иду! — отозвался Лу Янь. — Брат Чу, ты опять забыл ключи?..

Он распахнул дверь и застыл. Увидев Бай Муюня, он на мгновение лишился дара речи, но в следующую секунду его лицо озарилось неподдельным счастьем.

— Как... почему ты вернулся?

Бай Муюнь не ответил. Первым делом он решил выплеснуть скопившуюся ревность:

— «Брат Чу»?

Лу Янь решил, что тот спрашивает о местонахождении Чу Цзяньцина.

— Брат Чу ушел поговорить с Сяо Анем. Разве ты их не встретил?

— Нет.

— А... — Лу Янь смотрел на него сияющими глазами, словно боялся, что, если моргнет, гость исчезнет. — Почему ты вернулся? Что-то забыл? Ты обедал? Ой, глупости спрашиваю, конечно, ты ужинал с семьей... Хочешь перекусить? Или ты заберешь вещи и сразу уйдешь? Может, пельменей? Я только что сварил, они еще горячие. Съешь хоть один, пожалуйста...

— Глупый, — Бай Муюнь легонько щелкнул Лу Яня по лбу. В его взгляде смешались жалость и нежность. — С Новым годом.

Лу Янь замер, приоткрыв рот. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог выдать:

— Ты... ты что, специально вернулся, чтобы встретить праздник со мной? — осознав, как самоуверенно это звучит, он тут же затараторил: — Нет, я... я не то имел в виду, я просто...

— Да.

Лу Янь мгновенно прослезился, и в следующую секунду слёзы уже катились по его щекам.

Бай Муюнь заметил, что после их воссоединения Лу Янь стал очень плаксивым. Раньше тот тоже плакал, но крайне редко. Сейчас же он напоминал обиженного ребенка, который, завидев близкого человека, не может сдержать своей слабости.

Бай Муюнь бережно стер слезинки с его лица, чувствуя беспомощность и щемящую нежность:

— Ну чего ты плачешь?

Лу Янь перехватил его руку и, набравшись храбрости, прошептал:

— Можно мне тебя обнять?

Не дожидаясь ответа, он уткнулся лицом в грудь Бай Муюня — дерзко и одновременно с тем робко.

— Отказ не принимается.

Бай Муюнь опустил взгляд. Лу Янь как раз пытался незаметно подсмотреть на его реакцию, но тут же поспешно отвел глаза. Бай Муюнь догадался: парень играет в «страуса» — мол, если я не увижу отказа, значит, можно обниматься дальше.

Муюнь невольно улыбнулся про себя и погладил Лу Яня по мягким волосам на затылке.

Со всех сторон начали доноситься хлопки петард и грохот фейерверков. Стрелки часов сошлись на двенадцати. Где-то на площади двенадцать раз гулко пробил колокол.

— С Новым годом, — негромко произнес Бай Муюнь прямо ему на ухо, чтобы тот расслышал за шумом улицы.

— С Новым годом! — Лу Янь вскинул голову, его глаза сияли, и он широко улыбнулся. — Сегодня первый день нового года. Учитель Бай, вы уже согласны стать моим парнем?

Рука Бай Муюня замерла. В его голосе, припорошенном морозным воздухом, проскользнула мягкая, но настойчивая нота:

— Лу Янь, как люди могут быть вместе, если они не честны друг с другом?

Лу Янь на мгновение замолчал, а затем поспешно перевел тему:

— Хочешь пельменей?

В душе Бай Муюня шевельнулось разочарование. Он мягко отстранил Лу Яня, взял его за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза, и после долгой паузы выдохнул:

—... Ничего я не могу с тобой поделать.

— Я положил в пельмени монетку. Если она достанется тебе, год будет невероятно удачным! — Лу Янь снова заулыбался. — Ты ведь пожалел меня, одинокого, и специально приехал... Пожалей еще немножко, съешь со мной пельменей.

— Ты думаешь, я приехал из жалости?

Лу Янь моргнул и отвел взгляд:

— Мне всё равно. Пусть будет жалость или сочувствие — мне не важно, лишь бы ты был рядом.

«Так вот оно что. Мой порыв он принял за обычное милосердие», — подумал Бай Муюнь.

Внутри вспыхнуло раздражение, он помрачнел, но объясняться не стал.

Нужно еще немного времени. Совсем чуть-чуть.

Заметив смену его настроения, Лу Янь сник и испуганно спросил:

— Что случилось? Я опять что-то не то сказал? Ты только скажи, я исправлюсь, только не уходи...

Бай Муюнь подвел его к столу и усадил на стул.

— Ешь. Я сейчас доварю остальные.

— Я сам...

— Сиди.

Лу Янь послушно замер, глядя, как Бай Муюнь наливает воду и включает плиту.

Они ели молча. Когда монетка попалась Бай Муюню, Лу Янь так искренне и бурно начал рассыпаться в поздравлениях и добрых пожеланиях, что Муюнь не выдержал — его напускная суровость растаяла, и он невольно улыбнулся.

В прихожей щелкнул замок — вернулся Чу Цзяньцин со своим «хвостиком».

— О, а ты чего здесь? — Чу Цзяньцин явно удивился, увидев Бай Муюня. Он бросил взгляд на стол. — Вкусно было? Все мои пельмени слопали.

Бай Муюнь вскинул бровь:

— Твои?

— Сяо Лу готовил для меня, значит — мои! — вызывающе заявил певец.

Бай Муюнь выдавил фальшивую улыбку:

— Ха-ха. Лу Янь, так эти пельмени были для него? Что ж ты сразу не сказал, мне даже неловко, что я их съел.

Лу Янь засуетился:

— Это те, что я только что налепил! Я хотел оставить их на завтра... В общем, они не предназначались кому-то конкретно...

— Старший брат! Ты не поехал домой на праздник? — из-за спины Чу Цзяньцина высунулся Чу Лиань, обрадованный встречей.

— Поеду завтра.

— Вот и славно! У меня как раз есть пара вопросов по сценарию «Колокол смолк».

Это был фильм, к съемкам которого Чу Лиань должен был вот-вот приступить. Автор оригинала — Дань Мин Мо.

Чу Цзяньцин, прислонившись к косяку, холодным взглядом наблюдал, как Чу Лиань радостно вытягивает Бай Муюня в обсуждение сценария. Постояв так немного, он подошел к Лу Яню, который начал собирать грязные тарелки.

— Сяо Лу, давай сбежим! — негромко предложил Чу Цзяньцин.

Лу Янь чуть не выронил тарелку. Он осторожно поставил её в раковину, покосился на Бай Муюня с Чу Лианем и шепнул:

— Брат Чу, ты что, ревнуешь?

Чу Цзяньцин замялся:

—... Я серьезно! Я возьму гитару, и мы отправимся бродяжничать по свету. Разве не

романтично?

— А если не любишь гитару — не беда. Можем взять гуцинь. Или флейту?

Лу Янь со смехом покачал головой. Он открыл кран, и теплая вода омыла его озябшие пальцы.

— Я никуда не пойду.

Чу Цзяньцин хотел было съязвить еще, но случайно заметил рукава Лу Яня.

— Ты чего? Посуду моешь, а рукава не засучил?

Он выключил воду и коснулся его одежды:

— Смотри, всё намокло.

Он потянулся, чтобы закатать ему рукава, но Лу Янь внезапно замер и не дал этого сделать. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Чу Цзяньцин всё понял:

— Секрет?

— Когда ты готовил, я как-то не обратил внимания... Ты и тогда рукава не закатывал?

— Закатывал.

— Понятно. Секрет, о котором Лао Бай знать не должен, — Чу Цзяньцин понимающе кивнул. — Ладно, отойди, я сам домóю.

Лу Янь попытался возразить, но Чу Цзяньцин бесцеремонно отодвинул его в сторону.

— Подумаешь, пара тарелок. Будем мы еще из-за этого спорить.

Закончив, Чу Цзяньцин вытер руки бумажным полотенцем и вдруг произнес:

— Знаешь, а ведь сначала ты мне совсем не понравился.

Лу Янь, который до этого задумчиво наблюдал за Бай Муюнем, вздрогнул и удивленно посмотрел на Чу Цзяньцина.

Тот выбросил полотенце в урну и продолжил:

— Знаешь, как мы познакомились с Лао Баем?

Лу Янь покачал головой.

— Из-за тебя.

Лу Янь ошеломленно застыл.

<http://bllate.org/book/18159/1758801>